

Иван-дурачок (Заветная сказка)

У отца было <три> сына: два были крестьянские сыновья, самостоятельные, а <трет>ий — Иван-дурачок, ничего дома не работал. У отца брат ходил полесовать. Отец и говорит:

— Братец, возьми моего сына полесовать.

И пошли они полес<овать> с дядей. Приходят, в лесах берёза стоит матёрая. Вот Ив<ан>-дур<ачок> и гов<орит>:

— Вот, дядюшка, эта берёза даёт <сто> руб<лей>.

— Чего ты, Ванюшка, иди, — берёза даст <сто> р<ублей>?

— Давай рубить с корня: ты сбоку, я — с другого.

Берёзу срубили наземь. Ив<ан>-д<урачок> начал тесать берёзу, сделал куличок.

— Дядя, давай <сто> р<ублей> деньги.

— Что ты, Ванюша, нету у меня ведь денег.

— Давай деньги, а то убью.

Дядя деньги и отдал, с собой были. Вот и пошли домой. Пришли домой, отец спрашивает:

— Ну, братец, каково полесовал Ванюша у меня?

— Братец, ничего не полесовал: чистый разбойник, у дядюшки обрал последние <сто> р<ублей> деньги. А Ив<ан>-дур<ачок> на будущий день утром ставае, позакусил и походит в город.

— Ванюшка, не надо идти в город-то.

— Нет уж, пойду.

И ушёл. Ходил, ходил в Петрозаводске, купил себе свинью с <дву>мя поросётам и еще дудочку-самосвисточку. Свинья была учёная. И пригналса домой. Отец и говорит:

— Ванюшка, напрасно деньги держишь.

— Не ваше дело, не у вас деньги нажит[ы].

Опять утром встаёт и отправляется в Питер. Пригоняется ко царскому дворцу, сел ко забору, начал в дуд<очку>-сам<освисточку> играть, а свинья учёная танцевать со своим деткам. Вот Марья-царевна и смотрит в окно.

— Папа, как оченно у мужчины пляшет скотина. Забавно смотреть, посмотри-ко.

Государь посмотрел:

— Да, хорошо.

Марья-цар<евна> гов<орит>:

— Папа, хоть бы нам одну скотиненку купить.

— Можно купить. Прислуга, иди спроси, продается или нет?

Вот присл<уга> и приходит:

— Что, Иван-дур<ачок>, не продашь ли одного поросёнка нам?

— Да у меня не продажной, а заветной.

— А какой завет?

— Марью-цар<евну> до колен посмотреть, и поросёнка можете получить.

А Марья-цар<евна>:

— А нешто деревеньщина и понимает! Пойду да и покажу.

Показала свои ноги до колен и получила поросёнка. Вот и угналса Ив<ан>-д<урачок> домой на ночлег. Отец спрашивает:

— Ванюшка, далёко жо ты поросёнка клал?

— А, бат, взял волк в долг, завтра деньги отдаст.

Вот погналса на др<угой> день в город, опять садитса на тоё жо место, где и раньше сидел. Опять стал играть в дудочку, поросёнок со свиньёй опять стали плясать. А в дворцы порос<ёнок> услышал свою мать и

завижжал. Марья цар<евна>:

— Папа, теперь нам беспокойство, возьмём и друг<ого> поросёнка, будут оны жить со спокоём.

— Можно взять. Иди, прислуга, спроси, продаёт ли?

Присл<уга> спраш<ивает>:

— Ну, что, Иван-д<урачок>, продаёшь друг<ого> поросёнка?

— Да не продажной, а заветной.

— Да какой завет?

— Марью-цар<евну> дó пояса посмотреть.

Вот приход<ит> прислуга и говор<ит>:

— Поросёнка продаёт, только Мар<ью>-цар<евну> до пояса посмотреть.

— Ну, да, папа, деревеньщина нешто понимает.

Вот шла сейчас, здынулась до пояса, поросёночка получила. Вот опять пригналса домой на ночь с одной маткой. Отец и говор<ит>:

— Далёко жо ты поросёночка и второго оставил?

— Э, папа, взял волк в долг, говорит: вместе деньги за обоих заплачу.

На <трети>й день погоняет туда жо, ко царск<ому> дворцу, садится на тое жо место, где и прежде сидел. Как свинья заплясала, поросята услышали, еще больше завижжат. Вот:

— Иди, прислуга, спроси, не продает ли и матку, тогда они будут совсем спокойны.

Присл<уга> приходит:

— Ив<ан>-дур<ачок>, не продашь ле и матки?

— Не продажна у меня, а заветна.

— Какой жо у тебя завет?

— А вот, Мар<ью>-цар<евну> совсем наголо посмотреть.

Присл<уга> приход<ит> и говор<ит>:

— Вот, М<арью>-ц<аревну> наголо посмотреть, тогда и свињи даст.

Ну, Мар<ья>-цар<евна> надела во своей комнате ротонду и пошла к Ив<ану>-д<урачку>. Пришла, ротонду бросила, повернулась около кругом, ротонду накинула и ушла в комнату. А прислуга свинью увёз к поросётам. Прих<одит> Ив<ан>-д<урачок> домой, отец спрашив<ает>:

— Ванюшка, куда жо ты последн<ую> свинью доконал?

— Папа, взял волк, сулил деньги разом отдать.

Царь собрал купцей, князей, королей выбрать жениха. Потом накормил их, напоил, собрал на чистое поле гулять, сам устоялся на высокий стул и спрашивает:

— Кто знае у моей дочери каки приметы, за того замуж, за того и царство всё отдам.

Вот Ив<ан>-дур<ачок> й вырыкнул:

— Под правой пазухой больша щетинка, под левой — серебрена.

Под его голос еще двое нашлись: один — купецкой сын, другой — князь. Вот и стали спорить:

— Этот крикнул, Иван-дурак.

А идны говорят:

— Нет, куп<ецкой> с<ын> да князь знал.

А государь думал и надумал:

— Я возьму всех вас к себе. С котор<ым> Мар<ья>-цар<евна> обойметя, за того и взамуж.

Взял их к себе к ночи, во свою комнату. А Ив<ан>-дур<ак> не будь дурень, сходил на рынок, купил изюму, черносливу. Пришла ночь, госуд<арь> повалил их в особую комнату, мужчин трёх и Мар<ья>-цар<евна> с има, четвертая. Они поспали несколько времени, а Иван — дурак, дак надо и подурачить.

— Марья-цар<евна>, я до ветру хочу.

— Да что ты, мы заперты, терпи.

— Нет уж, Марья-ц<аревна>, не могу больше терпеть. Я и на окошко.

Зашел Ив<ан>-д<урак> на окошко, из кармана выложил черносливу, изюмн<ых> ягод, наклал на окошко. Вот купеч<еский> сын и говорит:

— Да, М<арья>-цар<евна>, я хочу до ветра.

— Да что вы оба, обалдели? Дверь замкнута на замок, куда жо пойдёшь?

— Да я пойду на окно.

И он пошел на друго окно. Вот маленько погода князь:

— И я хочу.

— Да что вы, обалдели?!

— Нет, хочу. И я пойду.

И пошёл на третье окно. Все <три> окна и замарали. Маленько времени повременили, утро уж на природе. Ив<ан> дур<ак>:

— Неладно мы, братцы, сделали! У государя вси окна оммазали, будет беда всем — головы на плаху. Я пойду да съем.

— Что ты, обалдел, Ваня?

— Да уж съем.

Пришел да чернослив да изюмны ягоды съел да в карман склал, ничего нет, окошко чисто.

— И мы оберём, и мы будем исть.

Пришли обирать, вси перемазались, вонь-то от них и пошла.

Вот Мар<ья>-царевна:

— Отойдите вы дальше от моей кроватки, не нужны вы.

В уголок их притискала обоих. Ивана-дурака взяла себи на кроватку и обняла. Государь утром приходит, дверь открывает, смотрит на Мар<ью>-царевну — Мар<ья>-цар<евна> обнемши с Ив<аном>-дур<аком>. И

начал пир пировать, М<арью>-ц<аревну> за Ив<ана>-дур<ака> выдал,
царство своё отдал Ив<ану>-дур<ач>ку.

Вот они стали жить и топере живут.

*(Зап. 7 июля 1928 г. от Е. Н. Оськиной, 65 л., на Шокшозере
Лодейнопольского округа Олонецкой губ.)*

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.